

и XIV. Он ставит вопрос о необходимости издания эпиграфических материалов, относящихся к различным эпохам и регионам. Назрела необходимость, считает исследователь, комментированных изданий «Греческой истории» Ксенофонта, труда Страбона и речей Демосфена. Кроме того, есть смысл выпустить топографические словари отдельных регионов Греции – подобно двухтомнику Дж. Травлоса, посвященного Афинам и Аттике. Впрочем, намечать перспективы развития науки, отмечает Дж. Дэвис, дело сложное. Кто бы еще поколение назад мог предсказать тот интерес, который возник сегодня к проблемам рецепции, этнической идентичности и т.п.? Столь же непредсказуемый эффект имеют подчас работы исследователей, открывающих новые направления в науке. К числу таковых Дж. Дэвис отнес хорошо известную монографию Э. Снодграсса «Архаическая Греция: эпоха эксперимента». Возможно, не меньшее влияние на развитие науки окажет предпринимаемое в настоящее время издание словаря греческих личных имен.

*В.Р. Гуцин,*  
кандидат исторических наук, доцент кафедры  
всеобщей истории Пермского государственного  
педагогического университета

© 2011 г.

*G.A. LEHMANN. Perikles: Staatsmann und Stratege im klassischen Athen. Eine Biographie. München: Beck, 2008. 367 S.*

Немецкий историк античности Густав Адольф Леманн в 2008 г. выпустил в свет биографию Перикла – «Перикл: государственный деятель и стратег в классических Афинах». Книга написана в получающем ныне все более широкое распространение (впрочем, по большей части все-таки в англоязычной литературе) жанре, отчасти монографическом, отчасти популярном. Авторы, работающие в рамках этого жанра, пытаются добиться одновременно двух вещей: с одной стороны, стремятся, чтобы книга имела научную ценность, с другой – хотят сделать ее доступной как можно более широкой читательской аудитории.

Вне сомнения, реализуя именно эти установки, Г.А. Леманн поступает следующим образом: основной текст книги делает предельно «облегченным» – таким, чтобы все в нем было понятно и занимательно даже для школьника. Любые, даже простые и широкоизвестные античные термины и реалии обязательно разъясняются; все цитаты даются не в оригинале, а только в немецком переводе; главные идеи, выдвигаемые автором, высказываются в основном чисто декларативно и в достаточно общих чертах. Что же касается аргументации, нюансировки и т.п., то эти необходимые элементы исследования вынесены в обширный аппарат концевых сносок (с. 257–340), в который читатель-неспециалист может ведь и вовсе не заглядывать; ну, а для специалиста, напротив, как раз эта часть работы, пожалуй, представляет наибольший интерес<sup>1</sup>.

Писать в подобной манере приходится ныне западным антиковедам не столько по собственному побуждению (мы знаем Г.А. Леманна как серьезного исследователя, прекрасно умеющего работать и в собственно монографическом ключе<sup>2</sup>), сколько, скорее всего, под влиянием требований издательств, которые хотят, чтобы книги лучше продавались<sup>3</sup>. Более того, подозреваем, что аналогич-

<sup>1</sup> Там же, в концевых сносках, содержится и полемика автора с предшественниками. Особенно часто он спорит с Вольфгангом Виллем, не столь давно опубликовавшим весьма интересные, сознательно-дискуссионные работы о Перикле (Will 1995; 2003), с содержанием которых нам уже приходилось знакомить отечественного читателя (Суриков 2005; 2006а; 2008а, 261 слл.). Переключка между двумя учеными несомненна. Так, последняя глава книги Вилля «Перикл» озаглавлена «Was bleibt» («Что остается»). Точно так же, только со знаком вопроса («Was bleibt?») назвал свою последнюю главу и Леманн. При этом необходимо отметить, что последний буквально по всем вопросам стоит на куда более традиционных, устоявшихся в науке позициях, чем «еретик» Вилль, подвергая многие его взгляды достаточно резкой критике.

<sup>2</sup> См. прежде всего: Lehmann 1997.

<sup>3</sup> Ср. едкое замечание П. Родса о том, что ныне перед учеными ставят задачу «писать для Винни-Пуха» (Rhodes 2003, 57). Всем известно, что было у Винни-Пуха в голове вместо мозгов. К оценке обозначенной тенденции см. также: Суриков 2008б.

ными коммерческими соображениями обусловлена и конкретная тематика рецензируемой работы. Иначе трудно понять, зачем оказалось необходимым очередное (даже невозможно сказать, которое по счету) жизнеописание «афинского олимпийца».

Налицо парадоксальная ситуация: например, о Кимоне, насколько нам известно, вообще нет исследований монографического формата<sup>4</sup>, да и статьи о нем насчитываются единицами, несмотря на то что Кимон – фигура, по масштабу во всех отношениях сопоставимая с Периклом<sup>5</sup>. А о последнем между тем раз в несколько лет регулярно появляется новая книга биографического характера. Причины такого положения дел более или менее ясны, о них неоднократно писалось<sup>6</sup>: Перикл – «знаковая фигура», с ним (справедливо или нет) устойчиво связывается в массовых представлениях высший расцвет демократических Афин – «Перилов век». В отличие от того же Кимона (или Аристиды, или даже Клисфена) Перикл обязательно найдет себе место в любом изложении античной истории, даже в учебнике для младших классов школы. Соответственно, он – персонаж «узнаваемый», а для книготорговли это-то и важно<sup>7</sup>. Кстати, в послесловии к книге (с. 341) Г.А. Леманн оговаривает мотив, заставивший его обратиться к личности этого политического деятеля, – 2500-летие со дня его рождения. А ведь известно, что в связи с разного рода юбилеями опять-таки легче изыскать возможности для издания книг о юбилеях.

Литературы о Перикле уже столь много, что неизбежен и еще один вопрос: а собственно, что еще нового о нем можно сказать? Ясно, что речь не идет об открытии каких-то ранее не известных фактов из его биографии. Круг источников ограничен и, несомненно, не будет принципиально пополняться<sup>8</sup>. Соответственно, новизна может выражаться в чем-то ином. Например, в уточнении каких-то конкретных деталей (но заслуживает ли эта задача того, чтобы для ее решения писать целую книгу?) или в выдвигании оригинальных точек зрения, нетривиальных оценок (именно по этому пути попытался пойти В. Вилль в вышеупомянутых работах, а несколько раньше – Шарлотта Шуберт<sup>9</sup>). Или же, наконец, новизна может лежать не в плоскости анализа материала, а в плоскости его изложения, подачи; в таком случае приходится говорить не об исследовательской, а о некой «риторической» новизне.

Что в данной связи можно сказать о книге Г.А. Леманна? По построению она вполне традиционна. Книга состоит из 10 глав и послесловия. В главах факты рассматриваются в хронологическом порядке, не считая главы I (с. 7–29), которая имеет вводный характер (введения как такового в книге нет) и посвящена складыванию нарративной традиции о Перикле. Это тоже достаточно распространенный ход, так часто поступают авторы работ о Перикле. Однако начинает биографию Леманн не вполне обычно: с событий, имевших место уже после смерти героя.

Ярко, порой с трагическими нотками он рассказывает о поражении Афин в Пелопоннесской войне, об установлении режима «Тридцати тиранов», его свержении и возрождении демократии. Весь этот материал прекрасно знаком немецкому антиковеду, поскольку тема его упоминавшейся выше основной монографии – афинские олигархические перевороты. А обращение к данному сюжету в самом начале жизнеописания Перикла потребовалось автору для того, чтобы затем указать: внешние и внутривнутриполитические перипетии заставили афинян в 390-е годы до н.э. задуматься о причинах ка-

<sup>4</sup> Не считая одной книги, вышедшей в Италии при Муссолини: Lombardo 1934. Она не была нам доступна, да и в целом, видимо, является большой редкостью (ссылки на нее в последующей литературе практически не встречаются). В любом случае, вряд ли это серьезное научное исследование.

<sup>5</sup> Суриков 2003; 2008а, 187–258.

<sup>6</sup> Will 1995, 7 ff.; 2003, 245 ff.; Суриков 2008а, 260 слл.; Tumans 2009 (указанная работа Х. Туманса – тезисы доклада; на его основе ученый уже после того, как была написана данная рецензия, подготовил большую статью на русском языке: Туманс 2010).

<sup>7</sup> В чем довелось убедиться на собственном опыте, в частности, и автору этих строк. Вступая в сотрудничество с издательством «Молодая гвардия», выпускающим известную серию «Жизнь замечательных людей», мы обговаривали «кандидатуры» известных деятелей истории и культуры классической Греции, жизнеописания которых можно было бы написать для этой серии. Естественно, руководство издательства ставило вопрос только так: найдет ли книга спрос? Не без труда удалось «протолкнуть» биографию Геродота (Суриков 2009а), но уже, например, о Фукидиде даже речи не могло идти: его, дескать, никто не знает. Равно как и тех же – Кимона, Аристиды, Алкивиада... Наши предложения написать о них не встретили никакого понимания. Книга о Перикле, безусловно, приветствовалась бы, если бы не один нюанс: в серии ЖЗЛ такая книга уже выходила (Арский 1971).

<sup>8</sup> Кажется, последний по времени введения в научный оборот источник, имеющий отношение к Периклу, – это несколько остраконов с его именем, найденных на Керамике в конце 1960-х годов, – см. Brenne 2001, 260–261. Однако никакой принципиально новой информации эти памятники не дали, поскольку и ранее было прекрасно известно, что в 440-х годах до н.э. Периклу угрожал остракизм.

<sup>9</sup> Schubert 1994.

тастроф и, в частности, поставить вопрос об оценке деятельности «первого гражданина», стоявшего у истоков войны со Спартой.

Уже до того оценочные суждения о Перикле высказывались в произведениях древней аттической комедии, причем если в 420-е годы до н.э. (у Кратина, Аристофана) они были негативными, то в следующее десятилетие (у Евполида) приобрели более позитивный характер<sup>10</sup>. Таким образом, с самого начала наметился широкий спектр разнообразных мнений, и в дальнейшем эта ситуация сохранялась. Так, Платон относился к Периклу скорее отрицательно: это заметно в его произведениях самых разных лет, начиная с раннего «Горгия» (390-е годы до н.э.). А у Фукидида, как раз в те же самые годы завершавшего работу над «Историей», Перикл, напротив, поднят на исключительно высокий пьедестал.

Высказывания Фукидида о Перикле Г.А. Леманн разбирает, естественно, наиболее подробно. При этом исследователь претендует на то, что ему первому удалось правильно понять один чрезвычайно известный пассаж Фукидида, который до него будто бы все интерпретировали неверно. Речь идет о том месте (Thuc. II. 65. 9), которое, например, в русском переводе Г.А. Стратановского выглядит так: «По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина». Аналогично цитированную фразу переводят и на другие языки, но Леманн считает, что это ошибка, ведущая к ложному восприятию Перикла как какого-то «монарха при демократии». Он предлагает свой вариант перевода (с. 20): «Итак, реальностью оказалось/стало (на некоторое время) только по названию народовластие (*demokratia*), а в действительности – правление (*arché*) Афин посредством их первого гражданина»<sup>11</sup>. Насколько можно понять, имеется в виду власть Афин над союзниками; несомненно, термин ἀρχή часто употреблялся в этом смысле.

Как уже отмечалось выше, Г.А. Леманн нигде не цитирует источники в оригинале. Но мы здесь просто обязаны сделать это: ἐνὶ ὀνόματι τῆς λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή. В этой фразе, краткой и предельно емкой, как обычно у Фукидида (какой контраст с переводом Леманна, который представляет собой, в сущности, растянутый пересказ, с ненужными добавками!), ничто не говорит за то, что ее следует трактовать так, как предлагает немецкий ученый. Другое дело, что Фукидид в любом случае был не прав, ибо никакими «монархическими» полномочиями Перикл ни в малейшей мере не пользовался. Напротив, как только демос пожелал отстранить своего вождя от должности, предать суду, приговорить к штрафу, – это было сделано незамедлительно<sup>12</sup>.

Характеризуя эволюцию отношения к Периклу в IV в. до н.э., автор рецензируемой книги полемизирует с В. Виллем, считающим, что в указанном столетии об этом политике вспоминали редко, а если и вспоминали – то скорее в негативном контексте. Да, у Аристотеля (в частности, в «Афинской политике») упоминания о Перикле буквально единичны, причем несколько пренебрежительны. Однако Г.А. Леманн резонно указывает на то, что в речах аттических ораторов (Исократ, Лисия и др.) Перикл фигурирует значительно чаще, причем как один из главных положительных героев истории Афин. Естественно, подробно останавливается исследователь и на таком источнике, как плутархова биография Перикла.

Во II и III главах (с. 31–50, 51–82) говорится о детстве и юности будущего «первого гражданина», до его вступления на политическую арену. Датой рождения Перикла автор считает 494/493 г. до н.э. Ту же дату – 494 г. до н.э. – предлагали ранее и мы в ряде работ<sup>13</sup>, но, впрочем, опираясь на несколько иные аргументы, так что наши соображения и выкладки Леманна удачно дополняют друг друга.

Разумеется, именно в этом месте книги рассказывается о происхождении Перикла, в связи с чем дается экскурс в историю рода Алкмеонидов. Исследователь очерчивает политическую ситуацию, сложившуюся в афинском полисе в начале V в. до н.э. В результате реформ Клисфена в Афинах сформировалась «исономная гопплитская полиция» (с. 42). Однако морская программа Фемистокла внесла существенные коррективы<sup>14</sup>. Возрастает роль гребцов, рекрутировавшихся из беднейших граждан; кроме того, значимыми фигурами в жизни государства становятся триерархи (с. 43). На этот последний момент редко обращается внимание, да и сам Г.А. Леманн затрагивает его лишь мимоходом,

<sup>10</sup> Высказывания Евполида, рисующего Перикла в целом в положительном свете, справедливо отмечаются Г.А. Леманном. А вот В. Вилль их не учитывает и в результате приходит к неточному выводу о том, что основоположником идеализации Перикла в нарративной традиции был Фукидид.

<sup>11</sup> «Und so vollzog sich/wurde Realität (für eine gewisse Zeit) nur dem Namen nach Volksherrschaft (*demokratia*), in Wirklichkeit jedoch eine Regierung (*arché*) Athens durch seinen ersten Mann».

<sup>12</sup> Подробнее о ситуации при Перикле см. Суриков 2009б.

<sup>13</sup> Суриков 1997, 18; 2000а, 102; 2000б, 195; 2000в, 73–78; 2008а, 282.

<sup>14</sup> Автор специально и справедливо оговаривает, что эта радикализация политического устройства была не результатом чего-то сознательного намерения сделать Афины более демократическими, а побочным следствием мероприятий, имевших чисто военную направленность.

буквально в одной фразе. А между тем идея представляется перспективной и заслуживающей более пристального изучения.

Исследователь отмечает, что первыми сильными впечатлениями в жизни мальчика Перикла должны были стать остракизмы близких ему людей – вначале дяди Мегакла (486 г. до н.э.), а затем и отца Ксантиппа (484 г. до н.э.)<sup>15</sup>. Но в целом в этих главах перед автором стоит очень нелегкая задача. Ведь в источниках нет ни единого упоминания о каких-либо событиях из начального периода жизни Перикла. В результате Г.А. Леманн вынужден постоянно прибегать к предположениям, а заодно приводить сведения общего характера – о ходе Греко-персидских войн, о том образовании, которое, судя по всему, должен был получить Перикл, и т.п.

По мнению автора (с. 56), на момент взятия Ксерксом Афин семья Ксантиппа (он, как известно, был досрочно возвращен из изгнания и избран стратегом) находилась на Саламине; стало быть, подросток Перикл видел с острова, как горит его родной город. Говорится обо всем этом довольно категорично, как о надежно установленном факте, а между тем перед нами всего лишь догадка, ни на что не опирающаяся. Когда из Афин в 480 г. до н.э. эвакуировались жители, по сообщению Геродота (VIII. 41), «большинство отправило своих жен и детей в Трезен, другие – на Эгину, а иные – на Саламин». Плутарх (Them. 10), повествуя о тех же событиях, пишет: «Семьи свои афиняне проводжали в другое место, а сами, не уступая воплям, слезам и объятиям родителей, переправлялись на остров (Саламин. – И.С.)». Представляется маловероятным, что семья Ксантиппа оказалась в числе тех немногих, которые нашли убежище на Саламине (не будем забывать, что оставаться там было значительно опаснее, чем, скажем, в Трезене). Сам Ксантипп, бесспорно, находился именно там, при флоте, – иначе и быть не могло, поскольку он являлся стратегом. Но о месте пребывания его семьи это ровно ничего не говорит.

Первое известное событие из жизни Перикла засвидетельствовано эпиграфическим документом (IG. II<sup>2</sup>. 2318); это его хорегия на Великих Дионисиях 472 г. до н.э., при постановке тетралогии Эсхила, в которую, в частности, входили знаменитые «Персы». Кстати, из данного факта можно сделать однозначный вывод, что Ксантиппа на тот момент уже не было в живых. Именно такой вывод и делает Г.А. Леманн, однако при этом допускает внутреннее противоречие. С одной стороны, он пишет (с. 74): «Его (Ксантиппа. – И.С.) кончину мы можем с полной уверенностью датировать временем *строго до* середины лета 473 г. до н.э.» (в середине лета распределялись хорегии на следующий год)<sup>16</sup>. С другой стороны, в примечании к этому месту (с. 296) утверждает: «Характерно, что среди массы черепков большого комплекса острака с Керамика, относящегося к остракофории весны 471 г. до н.э., обнаруживается лишь очень небольшое количество разрозненных голосов против Ксантиппа...». Да, остраконы с именем Ксантиппа в этом комплексе действительно единичны (по разным данным, 2–3). Однако дело в том, что против уже умершего человека, естественно, вообще не могли подаваться остраконы!

Здесь мы выходим на серьезную проблему датировки острака с Керамика, о которой нам уже приходилось подробно писать<sup>17</sup>. В настоящее время в западном антиковедении все более распространенной становится тенденция относить их к постулируемому второму остракизму Алкмеонида Мегакла, который якобы имел место в 471 г. до н.э. Как видим, того же мнения придерживается и автор рецензируемой монографии, но при этом даже не замечает, что приводимый им самим факт (наличие в комплексе остраконов против Ксантиппа) становится серьезнейшим аргументом против его же точки зрения. И этот аргумент смело можно прибавить к тем, которые мы приводили ранее, отрицая возможность датировки комплекса 471 г. до н.э. В действительности комплекс разнороден и содержит черепки с разных остракофорий – от самой первой, состоявшейся в 487 г. до н.э. (остракон против Гиппарха, сына Харма), до 440-х годов н.э. (два остракона против Перикла<sup>18</sup>), а основная масса остраконов, входящих в комплекс, связана с остракизмом Мегакла в 486 г. до н.э. Этот его остракизм был единственным; повторно Мегакл из Афин остракизмом не изгонялся<sup>19</sup>.

<sup>15</sup> Разумеется, эта мысль высказывалась и ранее. См., например: Burn 1948, 13.

<sup>16</sup> Впрочем, строго говоря, возможна и несколько иная датировка смерти Ксантиппа – между серединой лета 473 г. до н.э. и весной 472 г. до н.э. На наш взгляд, она даже вероятнее (Суриков 2000а, 106). Вряд ли архонт назначил бы хорегом двадцатилетнего юношу. Скорее литургия вначале была возложена на Ксантиппа, но он скончался, и его сыну пришлось доводить дело до конца.

<sup>17</sup> Суриков 2006б, 61 слл.

<sup>18</sup> Г.А. Леманн доходит до того, что и эти остраконы датирует 471 годом до н.э., а вот этого делать уже никак нельзя. Даже Ш. Бренне, наиболее последовательный адепт идеи о втором остракизме Мегакла, остраконы против Перикла с Керамика датирует серединой V в. до н.э. (Brenne 2001, 260).

<sup>19</sup> К толкованию того места из Лисия (XIV. 39), на котором основываются ошибочные, на наш взгляд, представления о втором остракизме Мегакла, см. Суриков 2006б, 161 слл.

IV глава книги (с. 83–113) посвящена началу политической деятельности Перикла в 460-х годах до н.э. Автор отмечает, что будущий «первый гражданин» вступил в политику как один из видных членов оппозиции Кимону, соратник Эфиальта; целью Перикла уже с молодых лет была последовательная демократизация афинского государственного устройства (с. 88).

Здесь Г.А. Леманн останавливается на весьма проблематичной фигуре Дамона – советника Перикла, музыканта и политического теоретика. Нам показалось, что он несколько упрощенно трактует круг запутанных вопросов, связанных с этой личностью<sup>20</sup>. Он не сомневается в том, что Дамон (или Дамонид, как его называет Аристотель), дававший Периклу политические рекомендации в 460-х годах до н.э., и музыкант Дамон, сын Дамонида, подвергнутый ostracism ближе к концу «эры Перикла», – одно и то же лицо, хотя это создает серьезные хронологические сложности. Кстати, Леманн датирует ostracism Дамона 429 г. до н.э., однако в действительности вероятность этого ничтожна. Практически невозможно представить, чтобы афиняне решились проводить ostracism в то время, когда шла Пелопоннесская война, да к тому же еще свирепствовала эпидемия. Более того, даже если бы в подобных условиях голосование черепками состоялось, его жертвой, конечно, стал бы Перикл, а не какой-нибудь Дамон.

Далее автор рассматривает такие известные события 462–460 годов до н.э., как реформа Ареопага, ostracism Кимона и убийство Эфиальта (именно тогда Перикл выдвигается на первую роль в политической жизни Афин<sup>21</sup>), начало Малой Пелопоннесской войны. Но наиболее детально он освещает серию важнейших реформ, проведенных по инициативе Перикла в 450-е годы до н.э. И это, вне сомнения, справедливо, поскольку именно в результате воплощения в жизнь этой программы реформ афинская демократия обрела свой классический облик. По нашему глубокому убеждению, именно реформы, о которых идет речь, следует считать одной из главных исторических заслуг Перикла перед Грецией и человечеством, тем фактором, который в широкой перспективе ввел его имя в пантеон самых выдающихся деятелей античности, а в более узкой – обусловил последующее занятие им уникальной позиции «первого гражданина». Среди Перикловых реформ середины V в. до н.э. – введение мистофории, доступ зевгитов к архонтату, учреждение теорикона (Г.А. Леманн эту последнюю меру относит также к 450-м годам до н.э.<sup>22</sup>) и др.

В этой главе автор касается еще некоторых вопросов семейной жизни Перикла. Он придерживается точки зрения, которая нам представляется ошибочной: отождествляет первую жену этого политика с Диномахой, которая впоследствии (уже в другом браке) стала матерью Алкивиада. Эта идея, в свое время выдвинутая Р. Кроми<sup>23</sup>, не находит опоры в источниках, зиждется на ряде неверифицируемых догадок<sup>24</sup>. В действительности первая супруга Перикла, происходившая тоже из рода Алкмеонидов, была родной сестрой Диномахи, но имя ее, к сожалению, неизвестно.

В V главе (с. 114–133) рассказывается о дальнейшем ходе Малой Пелопоннесской войны, но главное место в ней уделено закону Перикла о гражданстве, принятому в 451/450 г. до н.э. Этот закон, ограничивавший круг полноправных граждан лицами, у которых оба родителя были афинянами (ранее происхождение матери не учитывалось), постоянно вызывает недоумение исследователей: настолько вопиюще «неполиткорректным» кажется он с точки зрения наших нынешних представлений. Не удивительно, что предлагались самые разнообразные его объяснения<sup>25</sup>.

Г.А. Леманн старается подойти к проблеме комплексно, считает, что принятие закона о гражданстве было вызвано рядом факторов и имело в виду достижение нескольких целей. Среди них – и ограничение межполисных связей аристократов, и стремление добиться того, чтобы афинские граждане, отправившиеся в клерухии, не женились там на местных уроженках. Но ключевым моментом, по мнению исследователя, стало желание укрепить единство и солидарность гражданского коллектива за счет маргинализации тех жителей Аттики, которые к этому коллективу не принадлежали.

Основные вопросы, рассматривающиеся в главе VI (с. 134–162), – завершение Малой Пелопоннесской войны Тридцатилетним миром и знаменитая строительная программа Перикла. По первому из этих вопросов автор в основном ограничивается изложением фактов, а вот строительную программу анализирует весьма обстоятельно. В очередной раз вступая в полемику с В. Виллем, гипер-

<sup>20</sup> См. об этих вопросах: Raubitschek 1955; Wallace 1992; Ritoók 2001; Суриков 2006б, 158 слл.

<sup>21</sup> А не в конце 450-х годов до н.э., как ошибочно полагает В. Вилль, совершенно игнорирующий роль Перикла в демократических реформах, проводившихся на протяжении этого десятилетия (см. ниже).

<sup>22</sup> С идеей о столь раннем происхождении теорикона далеко не все согласятся. Леманн, впрочем, ставит организацию этого «зрелищного фонда» в связь с постройкой Периклом Одеона.

<sup>23</sup> Cromeu 1982; 1984.

<sup>24</sup> См. нашу критику: Суриков 1995, 47–48.

<sup>25</sup> См., например: Will 1995, S. 30 ff.; Osborne 1997; Blok 2009; Суриков 2008а, 25–27.

критически отрицающим связь Перикла со строительством на Акрополе, Леманн аргументированно показывает, что именно «первый гражданин» явился инициатором грандиозного проекта. В конце главы заходит речь о соперничестве Перикла с Фукидидом, сыном Мелесия, и об изгнании последнего остракизмом.

Хронологические рамки VII главы (с. 163–178) охватывают вторую половину 440-х гг. до н.э., т.е. начало собственно «Периклового века» (в узком смысле). Значительную часть главы занимает подробный рассказ об основании Фурий. Нас несколько удивило, что, разбирая событие во всех деталях, Г.А. Леманн парадоксальным образом забывает упомянуть о том, что подлинным «отцом» идеи создания панэллинской колонии, по всей видимости, был Фукидид, сын Мелесия, а Перикл ловко перехватил у него эту инициативу<sup>26</sup>. Кстати, на наш взгляд, этот ход Перикла следует признать одной из самых больших его удач во внутриполитической борьбе. Проиграв своему сопернику этот «раунд», Фукидид утратил авторитет в полисе и вскоре потерпел полное поражение в борьбе за лидерство. Перикл же зарекомендовал себя как политик воистину гениальный (но при этом, безусловно, беспринципный).

В VIII главе (с. 179–206) излагаются события 430-х годов до н.э., и прежде всего, конечно, подавление самосского восстания. Упоминается также и понтийская экспедиция Перикла, которую Г.А. Леманн относит к хронологическому отрезку 438–435 годов до н.э. и при этом считает, что какая-то часть афинского флота (впрочем не та, которой командовал лично «первый гражданин») посетила северное побережье Черного моря<sup>27</sup>. В той же главе рассматриваются судебные процессы, организованные противниками «афинского олимпийца» против близких ему людей – Фидия, Аспасии, Анаксагора. Автор указывает, что обвинителем последнего, согласно одной из традиций, выступал Фукидид, сын Мелесия, вернувшийся из изгнания, и соответственно, считает, что именно этот политик стоял за атакой на Перикла (с. 203). Однако почему-то забывает сказать (или сознательно не хочет говорить?) о том, что другая традиция называет обвинителем Анаксагора не Фукидида, а Клеона.

Две версии стоят буквально бок о бок у Диогена Лаэртца (II, 12), и никак невозможно заметить одну из них, но при этом упустить из виду другую. Допускаем, что Леманн здесь проявил политкорректность, не пожелал упоминать имя демократа Клеона в негативном контексте.

Тематика главы IX (с. 207–245) – дипломатический конфликт, приведший к Пелопоннесской войне, начало этого вооруженного конфликта, эпидемия в Афинах, опала и смерть Перикла. Изложение в этом месте становится очень подробным и, как нам показалось, даже чрезмерно обстоятельным. Анализируя предпосылки войны, автор вопреки Фукидиду и в согласии с мнением большинства современных антиковедов<sup>28</sup> справедливо признает значительную роль мегарской псефисмы Перикла в возрастании общей внешнеполитической напряженности.

Разумеется, заходит в этой главе речь и о знаменитой «Надгробной речи» Перикла 431 г. до н.э., передаваемой Фукидидом. Г.А. Леманн считает, что содержание речи передано историком вполне аутентично и что бесспорны любые попытки видеть в данном тексте выражение лишь собственных мыслей Фукидида или тем более иронию с его стороны.

Наконец, в последней, X главе (с. 246–256) кратко перечисляются события в ближайшие годы после кончины Перикла, а затем автор переходит к характеристике эволюции отношения к этому государственному деятелю в историографии XIX–XX вв., впрочем, почему-то только немецкой. Да и этот обзор выбран скорее по загодочности. Сказано, например, о взглядах Э. Курциуса, К.Ю. Белоха, Эд. Мейера, Г. Берве, А. Мейера и некоторых других, а В. Вилль, с которым на протяжении книги часто ведется полемика, здесь даже не упомянут.

Какую общую оценку можно дать рецензируемой биографии Перикла? Безусловно, перед нами добросовестная, основанная на хорошем знании материала работа, принадлежащая перу компетентного, скрупулезного ученого. Автор повсюду стремится быть объективным, высказывать взвешенные суждения, избегать как чрезмерных «восторгов», так и необоснованных обвинений по адресу своего героя. В целом тон книги все-таки должен быть охарактеризован как скорее апологетический по отношению к Периклу.

Вряд ли специалист по истории классических Афин, читая эту книгу, почерпнет из нее что-то новое для себя. Но для тех, кто впервые знакомится с этим кругом вопросов, например, для студентов, она окажется вполне полезной, в особенности потому, что она дает полное представление о традиционных, общепринятых точках зрения на предмет, сторонником которых повсюду предстает Г.А. Леманн.

В заключение не можем удержаться от того, чтобы высказать несколько соображений общего порядка, – так сказать, к «анатомии» современного перикловедения, – на которые навело чтение

<sup>26</sup> Wade-Gery 1958, 255 ff.; Суриков 2008а, 323 слл.

<sup>27</sup> Подробнее к вопросу см. Braund 2005.

<sup>28</sup> Например: Badian 1993, 125 ff.

работы. Не может не броситься в глаза, что на сегодняшний день фигура Перикла наиболее популярна, пожалуй, именно в немецком антиковедении. На достаточно кратком хронологическом отрезке увидели свет посвященные «первому гражданину» книги Ш. Шуберт, В. Вилля, Г.А. Леманна. Причем, что интересно, в Германии больше, чем где-либо, ученых, готовых к критической ревизии деятельности Перикла, даже к его «развенчанию» (хотя как раз Леманн к числу этих ученых не принадлежит).

Постоянно отмечается<sup>29</sup>, что Перикл был весьма популярен и востребован в годы власти нацистов. Историки, подпавшие под влияние гитлеровской идеологии, создали образ Перикла как идеального вождя (Führer) народа, выразителя «нордического» духа. Какие-то элементы этого нормативного образа сохранились и до наших дней, и вот теперь в денацифицированной Германии с ними начали активно бороться. Насколько можно судить, в какой-то степени имеет место сублимация «комплекса вины».

Данную тенденцию мы подметили некоторое время назад – на Международной конференции «Hellenic Dimension» в Риге, выступая в дискуссии по упоминавшемуся выше докладу Х. Туманса. Ознакомившись с книгой Г.А. Леманна, мы убедились в том, что она вполне подтверждает наши наблюдения. Однако, в отличие, скажем, от В. Вилля, который ставит перед собой задачу как можно более приуменьшить историческое значение деятельности Перикла, Леманн идет по иному пути: признавая, что Перикл был выдающимся государственным деятелем, ученый при этом стремится показать, что он являлся абсолютно демократичным лидером, ни в коей мере не «вождем», не «монархом».

## Литература

Арский Ф.Н. 1971: Перикл. М.

Суриков И.Е. 1995: Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // Античный мир и его судьбы в последние века / Е.С. Голубцова (ред.). М., 43–52.

Суриков И.Е. 1997: Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 4, 14–35.

Суриков И.Е. 2000а: Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 8, 100–109.

Суриков И.Е. 2000б: Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М.

Суриков И.Е. 2000в: К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 4, 73–79.

Суриков И.Е. 2003: Внешнеполитические концепции Кимона и Перикла: сравнительный анализ // Историки в поиске новых смыслов / Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец (ред.). Казань, 225–230.

Суриков И.Е. 2005: Сумерки «олимпийца»: о «развенчании» Перикла в одной недавней книге // *Studia historica*. 5, 171–179.

Суриков И.Е. 2006а: Рец.: *Will W. Thukydides und Perikles* // ВДИ. 3, 214–220.

Суриков И.Е. 2006б: Остракизм в Афинах. М.

Суриков И.Е. 2008а: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.

Суриков И.Е. 2008б: Ре-актуализация и ре-интерпретация опыта античной демократии в исторических исследованиях на современном этапе // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век / Л.П. Репина (ред.). М., 349–351.

Суриков И.Е. 2009а: Геродот. М.

Суриков И.Е. 2009б: Державный демос – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н.э.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти / Д.М. Бондаренко, А.А. Немировский (ред.). М., 79–95.

Туманс Х. 2010: Перикл на все времена // Вестник РГГУ. 10 (53), 117–154.

Badian E. 1993: *From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore.

Blok J.H. 2009: Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // *Historia*. 58, 2, 141–170.

Braund D. 2005: Pericles, Cleon and the Pontus: The Black Sea in Athens c. 440–421 // *Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC – First Century AD)* / D. Braund (ed.). Exeter, 80–99.

<sup>29</sup> Will 1995, 8 f.; Суриков 2008а, 261. См. также в рецензируемой книге Г.А. Леманна с. 254–255.

- Brenne S. 2001: Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka. Wien.
- Burn A.R. 1948: Pericles and Athens. L.
- Cromey R.D. 1982: Perikles' Wife: Chronological Calculations // Greek, Roman and Byzantine Studies. 23, 2, 203–212.
- Cromey R.D. 1984: On Deinomache // Historia. 33, 4, 385–401.
- Lehmann G.A. 1997: Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. Opladen.
- Lombardo G. 1934: Cimone. R.
- Osborne R. 1997: Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. 155, 3–33.
- Raubitschek A.E. 1955: Damon // Classica et mediaevalia. 16, 78–83.
- Rhodes P.J. 2003: Athenian Democracy and Modern Ideology. L.
- Ritoók Z. 2001: Damon. Sein Platz in der Geschichte des ästhetischen Denkens // Wiener Studien. 114, 59–68.
- Schubert Ch. 1994: Perikles. Darmstadt.
- Tumans H. 2009: Pericles Forever // International Quadrennial Conference: Hellenic Dimension: Studies in Language, Literature, Culture. Riga, 35.
- Wade-Gery H.T. 1958: Essays in Greek History. Oxf.
- Wallace R.W. 1992: Charmides, Agariste and Damon: Andokides 1. 16 // Classical Quarterly. 42, 2, 328–335.
- Will W. 1995: Perikles. Reinbek.
- Will W. 2003: Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn.

*И.Е. Суриков,*  
доктор исторических наук, ведущий научный  
сотрудник Института всеобщей истории РАН

© 2011 г.

**M. HELTZER.** The Province Judah and Jews in Persian Times. (Some Connected Questions of the Persian Empire). Tel Aviv: Archaeological Center Publication, 2008. VI, 274 p.

В 2008 г. вышла в свет книга известного израильского ученого М. Гельцера «Провинция Иудея и евреи в персидское время». Автор, уехавший в свое время в Израиль, продолжает поддерживать связи с российскими коллегами и не случайно рассматриваемая книга посвящена М.А. Дандамаеву. По существу, это сборник статей, публиковавшихся в основном на английском, но также и на немецком и французском языках в различных журналах с 1979 по 2006 г., и только последняя глава впервые напечатана именно в данной книге. Некоторые из этих статей уже известны российским ученым, но большинство вышло в журналах, не имеющих в наших библиотеках, и это придает книге Гельцера особое значение для российской науки.

Обычно в общих работах по истории евреев и Иудеи персидское время привлекает относительно небольшое внимание (по сравнению, например, со временем независимости или эпохи Хасмонеев). С другой стороны, в рамках огромной Персидской империи Иудея занимала слишком малое место, чтобы стать предметом специальных исследований историков Персии. Это обстоятельство придает работам Гельцера, собранным в этой книге, большое значение. Основным источником для автора служат, естественно, поздние библейские книги, как канонические, так и апокрифы. Но только ими он не ограничивается. Выпускник Ленинградского университета, Гельцер прекрасно знает не только ближневосточный, но и греческий материал (как и греческий язык), и это дает ему возможность расширить поле своего исследования, используя для сравнений и параллелей и произведения некоторых античных авторов (Геродота, Плутарха), и данные греческих надписей, в том числе малоазийских надписей персидской эпохи. Такой широкий охват материала дает ученому возможность поместить иудейский материал в обширный исторический и литературный контекст и прийти к новым и, на наш взгляд, неоспоримым выводам.